

ГИЗУМ ГЕРКО

ЗАПИСКИ

3

ЧЁРНОГО ПОВАРА

Первая Дверь

Гизум Герко

**Записки Черного
Повара: Первая Дверь**

«Автор»

2026

Герко Г.

Записки Черного Повара: Первая Дверь / Г. Герко — «Автор»,
2026

После бойни на Перевале Ветров от «Чёрного Отребья» осталось четверо: Брюква, Олаф, Форга и Сглаз. Двое друзей погибли, Олаф тяжело ранен, припасы почти закончились. Впереди — барон фон Штрудель, который везёт к Чёрному Мысу Чёрную Жемчужину с пленённой душой Морового Дракона. Во время большого прилива он собирается открыть врата в Пустоту и принести в жертву сотни людей. До ритуала остаются считанные дни. Отряду предстоит пройти через города, где их объявили преступниками, разрушить тайные убежища Штруделя, спуститься по Мёртвой реке и добраться до Тёмной Башни. Брюква снова отвечает за еду. Он готовит из падали, солдатских припасов, речных тварей и морской добычи. С помощью еды он лечит товарищей, добывает сведения и собирает союзников. Поварской нож заточен. Котелок закопчён. Большой прилив уже близко.

© Герко Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Четверо на спуске	5
Глава 2: Пустая пастушья хижина	9
Глава 3: Стадо на каменном карнизе	12
Глава 4: Мост над Белой Щелью	15
Глава 5: Застава Чёрного Знака	19
Глава 6: Телегас мертвецами	23
Глава 7: Первые огни равнины	26
Глава 8: Город чужих лиц	29
Глава 9: Цена хирурга	32
Глава 10: Серебро и жар	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Гизум Герко

Записки Черного Повара: Первая Дверь

Глава 1: Четверо на спуске

7 день Серпня, 1103 год

Южный склон Перевала Ветров.

Спускались.

Олаф впереди, за ним Форга и Сглаз. Я замыкаю. Раньше нас было шестеро, теперь четверо.

Под ногами мокрые камни и старая бурая трава. Справа склон, слева обрыв. Внизу уже видны кусты и первые деревья, но дорога к ним паршивая.

Олаф держал прежний шаг. Широкий, быстрый. Будто у него в боку обычная царапина, а не черная рана от теневого клинка Штруделя.

Сначала командир просто ладонь к ране прижимал. Потом между пальцами кровь показалась. Капнула на камень, еще через десяток шагов снова.

Я сказал, что ему нужен привал. Олаф даже головы не повернул.

— До зеленки дойду, там и перевяжешь. А сейчас следи за дорогой и не считай мои капли. Значит, капли он заметил и все равно держал темп.

Сглаз остановился первым. Присел возле плоского камня, достал из-за пазухи разбитые очки Корнелия и зажал их в кулаке. Другую ладонь положил на землю.

Сидел так с минуту. Нюхал воздух, морщился. Потом из носа у него тонкой струйкой пошла кровь.

Олаф спросил про направление. Сглаз вытерся рукавом и показал вниз по склону.

— Жемчужина идти на юг, к большой воде. След свежий, холодный, гарью вонять. Сглаз его хорошо чуеть.

Вот и вся наша карта: Штрудель жив, Черная Жемчужина у него, внутри душа Морового Дракона. Барон тащит ее к морю, а нам нужно догнать его раньше.

Форга дернула меня за ремень и велела пригнуться. На склоне выше блеснуло зеркало, дальше по тропе показалось второе, еще через миг — третье.

Между камнями сидели Тени в черных плащах. Один почти над нами, второй выше, третий впереди. Зеркалами они передавали наше направление дальше.

Я спросил Форгу, достанет ли она их с таким арбалетом. Гномиха посчитала блески, проверила колчан.

— Три зеркала, три болта. Стеклу хватит, людям придется подождать. Смотрите, чтобы гончие меня не сожрали.

Про гончих она сказала вовремя. Сверху свистнули, и из-за валунов выскочили две серые твари ростом с теленка. Худые, длиннолапые, с широкими пастями. По черным клыкам тянулась такая же черная слюна.

Выглядели голодными. Видать, овес не любили.

— Все к валуну! Брюква встречает ближнюю, Сглаз держится за мной, а Форга бьет по зеркалам!

Олаф указал на большой камень возле тропы. Мы собрались там, пока гончие спускались по осыпи.

Форга уперла арбалет в сапог. Рычаг застрял на середине, гномиха обругала его и дотянула обеими руками. Первый болт ударил в зеркало. Звон получился чистый и громкий.

Первая Тень ушла за камень, две остальные продолжали подавать сигнал.

Первая гончая прыгнула на Олафа. Я влез поперек, выставил дрын. Железный конец вошел твари в грудь, но самой твари это не понравилось. Она сбила меня с ног и прижала к камням.

Пасть рядом, когти рвут куртку, пахнет мертвечиной. Дрын застрял между ребер, вытащить не успеваю.

Пришлось брать кухонный нож.

Я ткнул под нижнюю челюсть, где шерсть мягче. Первый удар гончая почти не заметила. После второго из пасти пошла кровь. На третьем ударе лапы подломились, и вся туша навалилась на меня.

Туша оказалась тяжелой, я еле из-под нее выбрался.

Пока я возился, Форга разбила второе зеркало. Осколки блеснули и посыпались вниз.

Вторая гончая обошла Олафа и пошла на Сглаза. Гоблин затряс костями, зашипел. Тварь сбилась с шага и ударила лапой по камню перед костями. Командиру хватило этого мига.

Он ударил топором по плечу, потом по голове. Гончая скатилась по осыпи и пропала за краем.

Олаф остался стоять. Секунды три, может, четыре. Потом опустился на колено и прижал ладонь к боку. Повязка под кольчугой стала совсем темной.

Третья Тень бежала вдоль склона и продолжала подавать сигнал. Форга снова взялась за рычаг. Тот заклинило намертво.

Гномиха сунула в щель клещи, провернула зубчатое колесо и зарядила последний болт. Выстрелила уже вслед. Зеркало разлетелось прямо в руке у Тени.

Все трое ушли наверх. По такому склону мы бы их не догнали и здоровыми.

Олаф поднялся со второй попытки и сразу посмотрел вниз. Командир все еще собирался продолжать путь. Я встал перед ним и показал на мертвую гончую.

— Полтора часа, командир. Можешь спорить, пока я разделяваю, только быстрее каша от этого не сварится.

Он потребовал уложиться в час. Я предложил оставить его кусок сырым. На этом спор закончился.

Форга полезла к зеркалам за болтами. Вернулась с кожаным мешком: первый выстрел перерезал лямку. Внутри оказался овес для гончих.

Сглаз тем временем занялся тушей. Нюхал пасть, колол мясо костяной иглой, смотрел под веки. Потом раздвинул шерсть под челюстью. По обе стороны горла вздулись две черные железы.

Я спросил, дошла ли скверна до мяса. Гоблин еще раз приложил ладонь к разрезу.

— Скверна сидеть только в слюнных железах. Голову и шею выбросить, остальное можно есть. Сглаз тоже будет.

Последнее меня убедило.

Ниже осыпи нашелся каменный навес. Из трещины рядом сочилась чистая вода. Вокруг рос можжевельник, между камнями торчал горный лук. Под навесом сохранились сухие ветки. Для кухни хватит.

Готовка

В моих котлах бывало всякое: крысы, змеи, болотные лягушки. Один раз даже варили крепкий кожаный сапог. Горная гончая попалась впервые.

Начинать пришлось со скверны. Я отрезал голову вместе с шеей, отступив от черных жилок на добрую ладонь. Сглаз завернул кусок в шкуру и завалил камнями в щели. Нож вымыл, натер золой и прогрел над огнем. Черная слюна в еде нам ни к чему.

Для каши взял заднюю ногу. Мяса там много, оно темное, плотное и почти без жира. Снял шкуру, вырезал сухожилия. Мякоть нарезал кусками толщиной в два пальца.

Куски сложил в котелок и залил холодной водой. Она сразу покраснела. Я сменил воду и оставил мясо вымачиваться, чтобы убрать лишнюю кровь и тяжелый запах зверя.

Пока мясо вымачивалось, я занялся овсом.

Корм для гончих оказался грязным. Форга перебрала его на своем платке, выбросила камешки, шелуху и сухой навоз. Чистый овес я раздробил между двумя камнями. Целое зерно останется жестким, дробленое успеет развариться.

Горный лук был мелким, зато злым. От него сразу щипало глаза, но после варки останется сладость. Для котелка я отложил пять ягод можжевельника. Больше даст горечь.

Огонь развел между двумя камнями. Маленький, без высокого пламени. Дым стелился под навесом и рассеивался вдоль склона.

Форга посмотрела на мой котелок, потом на разобранный арбалет и нехотя протянула железную пластину.

— Вернешь чистой и ровной. Железа у меня мало, эта пластина еще нужна для ремонта арбалета.

Я обещал постараться. Форгу это не успокоило, но пластину она отдала.

Положил ее над углями. С туши срезал немного внутреннего жира, мелко порубил и вытопил. Жира набралось на самом доньшке, для обжарки хватит.

Мясо вытащил из воды, обсушил тканью и стал выкладывать небольшими порциями. Если забить пластину сразу, она остынет, мясо отдаст сок и получится серая подошва. Мне нужна была темная корочка и сырая середина. В котелке все дойдет.

Куски шипели на металле, жир брызгал на камни. Запах пошел мясной, с дымком. Даже Олаф перестал смотреть на тропу и повернул голову к огню.

После мяса обжарил нарезанный лук. Двух минут ему хватило: края потемнели, резкость сменилась сладким запахом.

Все вернул в вымытый котелок, залил водой из трещины и довел до кипения. Потом начал подсыпать дробленый овес. Понемногу, постоянно мешая. Иначе крупа соберется в комки и пригорит ко дну.

Последними добавил пять ягод можжевельника. Раздавил их плоскостью ножа, чтобы запах вышел сразу.

Огонь убавил, котелок прикрыл крышкой. Теперь каше нужен был примерно час. Я мешал ее каждые несколько минут и подливал воду, когда становилась слишком густой.

Пока варилось, Форга разбирала арбалет. Три последних болта разбились о зеркала, механизм опять заедал. Она чистила зубцы и поглядывала на наши ремни, пряжки и котелок, прикидывая, что снять для ремонта.

Я на всякий случай подвинул котелок поближе к себе.

Сглаз сидел у выхода и осторожно проверял след Жемчужины. Олаф менял повязку. Пальцы у него дрожали, узел никак не затягивался.

Пришлось отложить ложку и помочь. Командир поморщился, когда я стянул ткань, но промолчал. Значит, силы бережет. Правильно делает.

Через час я достал кусок мяса и разрезал. Внутри серое, крови нет. Жуется тяжело, но зубы берут. Овес разварился, отвар стал густым. От лука появилась сладость, после можжевельника запах псины почти пропал.

Соли оставалась щепотка. Я высыпал ее в котелок и попробовал снова.

Нормально.

В нашем положении это высшая похвала повару.

Я разлил кашу по мискам. Получилось четыре порции. Раньше ставил шесть. Два места возле огня остались пустыми.

Первую миску отдал Олафу. Он понюхал, попробовал мясо и долго жевал.

— Псиной пахнет, зато горячее. После твоего завтрака из сухарей это уже почти пир.

Я решил принять это за благодарность.

Форга ела быстро, не отрываясь от арбалета. Для нее еда всегда была топливом. Сглаз обжег язык, зашипел, потом начал дуть на каждую ложку. Видать, жить он и правда хотел.

Я попробовал последним. Мясо плотное, с легким вкусом дичи. Овес вобрал сок и жир, лук почти растворился. В конце чувствовалась небольшая горечь можжевельника.

Каша получилась горячая, густая, сытная. То, что нужно после драки на холодном склоне.

Мы выскребли котелок до дна. У Олафа перестали дрожать руки, спина выпрямилась. Лицо осталось серым, рана продолжала кровить. После еды у него хватало сил идти.

Я вымыл котелок и залил угли водой. Форга забрала свою пластину, проверила пальцем, не повело ли металл.

Сглаз поднялся первым. Долго смотрел вниз, туда, где тропа проходила между двух черных скал. Потом показал на этот проход костяной иглой.

— Впереди сигнальный пост. Люди, железо, огонь и те три Тени. Они уже знают, что мы идем.

Олаф поднял топор и проверил повязку. Пора идти.

Выход с гор перекрыли.

Блюдо дня: «Гончая каша преследования». Вымоченное и обжаренное мясо горной гончей, сваренное с овсом, горным луком и можжевельником.

Глава 2: Пустаяпастушья хижина

7 день Серпня, 1103 год

Верхние пастбища Южного склона Перевала Ветров.

Олаф повёл нас поперёк склона, выше сигнального поста. Главная тропа осталась внизу, между чёрных скал. Там ходили люди в плащах, возле стены стояли клетки для гончих.

На пастбищах овечьи тропы расходились во все стороны. Мы выбрали одну по старому помёту и следам копыт. Я смотрел под ноги, Олаф следил за постом. Люди внизу смотрели на главную тропу.

Дождь начался мелкий, почти без ветра. Через четверть часа вода стекала за ворот, штаны прилипли к ногам, а на камнях появилась скользкая грязь. От снега выше по склону тянуло холодом.

Форга обмотала сломанный арбалет промасленной тряпкой. Сглаз спрятал разбитые очки Корнелия под рубаху и держал их ладонью через ткань.

Хуже всех приходилось Олафу. Кровь смешалась с дождевой водой и дошла до нижнего края кольчуги. Командир ступал ровно, только правую ногу ставил осторожно: широкий шаг тянул рану в бок.

Я предложил забрать у него топор. Олаф посмотрел так, что проще было бы самому попросить у Форги арбалет и её набор ключей.

Пастушью хижину мы увидели сквозь дождь. Низкая крыша из каменных плит стояла возле пустого загона. Калитка висела на одной петле, между жердями застряли клочья шерсти.

Для летнего пастбища это выглядело паршиво. Пастух мог увести овец от непогоды, но дверь он бы закрыл. Возле распахнутого входа валялся посох с расколотым концом.

Олаф снял топор с плеча и первым подошёл к стене. Форга обошла хижину справа. Сглаз присел у порога и нашёл в грязи тёмные разводы крови. Я вошёл следом за командиром.

Внутри пахло мокрой шерстью, дымом и кислым молоком. Лежанку перевернули, сундук открыли, по полу рассыпали луковую шелуху. Между стеной и скамьёй лежал человек.

Сухой старик с длинными седыми усами прижимал к груди пастуший нож. Услышал шаги, попробовал поднять руку и только царапнул лезвием по полу. Сил у него почти не осталось.

Я присел рядом и назвал себя. Старик посмотрел на мой дрын и кухонный нож. Вид у меня подходил грабителю, только грабители редко представляются и проверяют, дышит ли хозяин.

Дышал он часто, с хрипом. На виске засохла кровь, правое плечо рассекли до мяса, под рубахой темнели следы сапог. Кости вроде целы. При нажатии на бок старик застонал, но воздух из груди не вышел.

Сглаз осмотрел рану костяной иглой и не нашёл яда или скверны. Старик потерял кровь, промок и давно ничего не ел. В холодной хижине он до утра не дотянет.

За домом Форга нашла следы десятка подкованных сапог, двух лошадей и большого стада. Все уходили вниз, к каменному карнизу. Дождь уже размывал края.

Олаф велел проверить пол и крышу. Форга простучала доски, Сглаз заглянул на чердак. Других людей в хижине не было.

— В посту знают, куда мы спускаемся. Через час они доберутся до пастбищ и закроют обход. Берём воду и уходим, пока дождь скрывает нас от зеркал.

Командир говорил разумно. Старик продолжал мёрзнуть на полу.

Я промыл старику плечо, стянул края полосой от нижней рубахи и укрыл его овечьей шкурой. Потом сказал, что останусь и приведу пастуха в чувство. Живой хозяин расскажет про тропу и людей Легата. Мёртвый годится только как предупреждение.

Олаф сжал челюсти и долго смотрел на меня. Потом поставил топор возле двери и сел лицом к заgonу.

— У тебя один час. Если старик заговорит раньше, остаток времени потратишь на мою перевязку.

Вода нашлась за хижинкой. Ручей стекал из-под каменной плиты в выдолбленное корыто. Сглаз проверил воду и сам напился. Я набрал два котелка.

В нише у очага лежали сухие щепки и несколько кизяков. Форга высекла искру, я добавил дрова из-под лежанки. От мокрой одежды пошёл пар.

Старик проглотил несколько глотков тёплой воды. Со второго раза выговорил, что зовут его Гордеем. Про сына сказать не смог: закашлялся и снова закрыл глаза.

Люди Легата искали в сундуке деньги и пропустили продукты. Под холстиной лежал ячмень, с балки свисало курдючное сало. В глиняном кувшине сохранилось кислое молоко, рядом нашёлся круг сухого овечьего сыра.

Возле ручья росла молодая крапива. Для пяти мокрых и голодных людей запасов хватало.

Готовка

Гордею требовалось горячее и достаточно жидкое, чтобы есть без усилий. Олафу нужен был жир, иначе его опять начнёт трясти. Остальным годилось всё, что согреет живот.

Домашний котёл висел над очагом на цепи. Я выскоблил из него золу и мышинный помёт, дважды ополоснул и прогрел над пламенем. Свой котелок оставил для кипятка.

У курдючного сала пожелтел наружный край. Я его срезал, остальное порубил кубиками и вытопил в большом котле. Кусочки стали коричневыми, жир пах овечьим мясом.

Форга перебрала ячмень, поглядывая на дверь. Отсыпала мне четыре горсти, мешок завязала и поставила возле Гордея. Запасы принадлежали ему.

Ячмень промыл и высыпал в горячий жир. Если сварить его сразу, вкус останется мучным. После обжарки зёрна потемнели и запахи орехом.

На обжарку хватило пяти минут. Дольше держать было опасно: обугленный ячмень испортит весь котёл.

Из малого котелка я влил горячую воду. Когда похлёбка закипела, поднял котёл на одно звено и прикрыл крышкой. Ячменю требовалось не меньше сорока минут.

Сглаз нарвал верхние листья крапивы у ручья. Я трижды смыл с них песок, обдал кипятком, отжал и порубил. После горячей воды крапива уже не жгла руки и пахла свежей травой.

Сухой сыр я настрогал ножом и растёр в миске с горячим отваром. Так он разойдётся в котле ровно, без липких комков.

Пока ячмень варился, Олаф позволил сменить повязку. Кожа по краям раны стала горячей и твёрдой. Сглаз приложил травы, я затянул сухую ткань. После перевязки командир лёг у стены.

Форга села у двери и разобрала арбалет на коленях. Три последних болта она разбила вместе с зеркалами, зато руки оставались заняты делом.

Через сорок минут зёрна легко раздавливались ложкой. Я добавил крапиву, через несколько минут влил сырную смесь. Отвар посветлел и загустел. Сухой сыр дал достаточно соли.

Кислое молоко сохранилось хорошо: сверху отделилась сыворотка, запах оставался чистым. Сглаз проверил кувшин и разрешил лить.

В кипятке кислое молоко соберётся жёсткими хлопьями. Я снял похлёбку с цепи, немного остудил и отдельно смешал молоко с горячим отваром. Потом влил его тонкой струей, постоянно мешая. Похлёбка стала светло-зелёной и густой.

Первую миску я налил Гордею. Добавил кипятка, размял ячмень и остудил у двери. Старик выпил отвар, прожевал несколько зёрен и сам взял миску. Левая кисть у него почти не сгибалась, поэтому я придерживал край.

После половины миски Гордей перестал дрожать. Он попросил положить погуще и провёл ложкой по дну. Видать, пастух признаёт только похлёбку, в которой ложка стоит.

Я долил ему из котла и раздал еду остальным. Олаф съел свою порцию медленно, вытер миску куском старой лепёшки и снова лёг, уже без топора в руке.

Форга ела возле двери, Сглаз устроился рядом с Гордеем. Себе я налил последним.

Ячмень сохранил лёгкий вкус жареного ореха. Крапива дала свежесть, сухой сыр — соль и овечий запах, а кислое молоко добавило мягкую кислинку. После молока курдючный жир ощущался мягче.

Для дождливого пастбища лучше не придумаешь.

Гордей доел и рассказал про утро. Люди в чёрных плащах отобрали стадо и потребовали проводника. Старик указал обычный спуск. За это его избили, а семнадцатилетнего Луку увели вести обоз Легата по короткой тропе.

— Их около десятка, двое верхом. До карниза они дошли перед дождём и там встали. Луку привязали возле овец. За лагерем начинается козья полка, по ней к Белой Щели выйдете раньше людей с большой дороги. Только сына моего там оставлять нельзя.

Последнее он сказал уже твёрдо. Гордей лежал под шкурой, но за посохом потянулся сам.

Олаф слушал с закрытыми глазами. Потом велел отдыхать до сумерек. Козья полка позволяла обойти сигнальный пост и вернуть потерянные часы, но сначала предстояло забрать Луку и стадо. Дождь уже смыл наши следы на пастбище.

В накрытом котелке я оставил Гордею две миски похлёбки. Сыр и большую часть ячменя положил возле лежанки. Старик сам отсыпал нам две горсти зерна на дорогу. На козьей полке лавок не будет.

Пока Олаф спал, я вымыл посуду, подсушил одежду и осмотрел Гордеево плечо. Кровь больше не шла. Сглаз следил за дорогой, Форга выправила зубец арбалета и нашла ремень для тетивы.

Через несколько часов дождь ослаб. Олаф поднялся без помощи и проверил повязку. Жара стало меньше, чёрные края раны остались. Одного котла похлёбки хватило на сон и ровный шаг.

Гордей тоже встал. Опираясь на посох, вывел нас за загон и показал вниз. Под каменным карнизом горели три костра. Между ними ходили люди, из темноты доносился звон овечьих колокольчиков.

Возле среднего костра сидела высокая тонкая фигура со связанными руками. Гордей сразу узнал сына и показал дальше, за край лагеря. Там начиналась короткая тропа к Белой Щели.

Блюдо дня: «Зелёная похлёбка старого пастуха». Обжаренный на курдючном сале ячмень с молодой крапивой, сухим овечьим сыром и кислым молоком.

Глава 3: Стадона каменном карнизе

7 день Серпня, 1103 год

Каменный карниз над южным ущельем.

До лагеря Гордей дошёл сам, опираясь на посох и мой ремень. После похлёбки ноги его слушались, но на неровных камнях старик хватался за отбитые рёбра.

Последние шагов сто мы проползли по мокрой траве. Карниз расширился возле скалы и сужался над обрывом. Три костра освещали палатки, телегу и стадо. За овцами виднелась тропа к Белой Щели.

Людей Легата я насчитал девять. Часть грелась у костров, остальные сторожили телегу и край карниза. Мечи и копыя они укрыли от дождя лучше собственной одежды.

Пленных держали возле верёвочного загона. Там сидели Лука и двое погонщиков. Рыжие волосы пастушьего сына были видны издалека. Из надорванного серьгой левого уха ещё шла кровь.

Гордей сразу пополз вниз. Я поймал его за пояс и вернул за камень. С такими рёбрами старик громко упадёт на середине склона.

Форга нашла длинную трещину возле внешнего края. Каменную плиту подпирали два выступа. Если забить клин и надавить ломом, половина лагеря рухнет в ущелье.

— Дайте мне пять минут у трещины. После первого толчка им уже не понадобятся ни мост, ни застава.

Форга посмотрела на Луку и сама убрала клин обратно в сумку.

Олаф выбрал скрытый спуск вдоль складки в скале. Форге досталась телега у верхнего выхода, Сглазу — овцы, мне — верёвки на пленниках. Командир собирался встретить тех, кто удержится на ногах.

На боку у него выступила свежая кровь. Бой требовалось закончить быстро, без бега и погони.

Гордей назвал Сглазу это место и покойного пастуха, который поставил здесь первый загон. Гоблин положил на камень клочок шерсти и семь зёрен ячменя. Затем назвал себя и попросил местных духов пройти среди овец.

Внизу овцы одна за другой поднимали головы и повернулись к тёмному краю карниза.

Между стадом и обрывом двигались три серые фигуры размером с собак. Они появлялись на миг и пропадали. Люди у костров их не увидели. Овцы увидели.

Стадо сбилось к середине. Молодой баран рванул верёвку грудью, за ним пошли остальные. Колышки вылетели из щелей, овцы втоптали крайнюю палатку в грязь.

Солдат возле пленных начал хлестать овец ремнём. Стадо повернуло к кострам, опрокинуло котёл и сбило двоих людей с ног.

Олаф вышел к среднему костру обычным шагом. Первый солдат заметил его поздно. Топор ударил в плечо, обух попал второму в лицо.

Я пошёл следом среди мокрых спин, рогов и сапог. Одна овца врезалась мне в бедро. Возле пленных охранник бросил ремень и вытащил меч.

Он целил в Луку. Я поймал удар железным концом дрына и толкнул. Солдат упал на натянутую верёвку. После второго удара я добрался до узлов.

Верёвку перерезал кухонным ножом. Освободил Луку и двух погонщиков. Один сразу подобрал копьё, второй остался на земле с разбитым коленом.

Трое солдат бросились к верхнему выходу. Форга выбила камень из-под колеса и перерезала привязь. Грузёная телега прокатилась поперёк карниза и перекрыла проход.

С телеги посыпались чёрные ящики с железными скобами. На треснувшем углу одного показалась просмолённая оболочка. Форга ударила молотком по руке солдата, полезшего через колесо.

У среднего костра третий противник держал перед Олафом копье. Командир отбил наконец, подпустил человека ближе и ударил коротко, без замаха.

Олаф опёрся ладонью на древко. Кровь прошла сквозь повязку, ближайшие солдаты уже лежали. Погонщик с Лукой прижали остальных к телеге. Гордей свистнул, и овцы собрались у скалы.

Солдаты сложили оружие. Форга связала им руки их же ремнями и посадила возле разбитой палатки. До сигнального поста никто не добрался.

Лука подошёл к отцу, обнял осторожно и увидел кровь на повязке. После этого парень задрожал всем телом. Во время боя времени на дрожь у него не было.

Один костёр затоптали, возле второго лопнул бурдюк с сывороткой. В среднем ещё горели поленья. Возле телеги вода стекала по желобу для стада.

Молодой баран лежал у порванного загона. В давке ему сломали переднюю ногу, кость вышла наружу. Гордей провёл ладонью по его шее и отдал животное нам. До безопасной долины баран всё равно не дойдёт.

Погонщики двое суток ели сухие корки, Лука с утра не получил ничего. Олафу снова требовался отдых. Из барана можно было быстро накормить всех, сыворотка годилась для почек и соуса.

Готовка

Барана я зарезал сразу. Гордей держал голову, Лука подставил чашу под кровь. Пока парень смотрел на нож, руки работали уверенно. Потом он отвернулся.

Тушу подвесили к раме загона. Я вымыл руки и нож водой из желоба. Сглаз проверил мясо и не почувствовал скверны. Рядом лежали чёрные ящики, так что проверка была нужна.

Желчный пузырь отделил вместе с протоками и отложил подальше. Одна капля желчи испортит всю печень.

Сердце промыл и разрезал вдоль камер. С почек снял плёнки и вырезал белые жилы. Печень нарезал толстыми ломтями, чтобы она сохранила сок.

В телеге нашёлся второй бурдюк сыворотки. Из надорванного первого сохранилось несколько черпаков. Я залил ими почки на десять минут, чтобы смягчить мясо и резкий запах.

Сглаз принёс чабрец из щели над лагерем. Веточки промыли, листья оборвали и растёрли. Стебли я оставил для дыма.

Для жарки выбрал две плоские плиты. Лука вымыл их, я поставил у слабого жара. Мокрый камень над сильным огнём лопнет. Через четверть часа плиты высохли, и мы придвинули их к углям.

Пока камни нагревались, Гордей с погонщиком снимали шкуру. Я отделил ноги, лопатки и спину, мясо нарезал полосами толщиной в палец. Форга натянула над дальним костром верёвки от палатки, и мы развесили на них мясо.

За ночь подсохнет только поверхность. Несколько часов в тёплом дыму сохранят мясо до следующего вечера. Для нашего перехода хватит.

Горячие плиты смазал внутренним жиром. Первым положил сердце: плотным кускам требовалось больше времени. Следом выложил обсушенные почки.

Жир шипел, мясо темнело по краям. Я переворачивал куски деревянной лопаткой и прижимал только сердце. Почки от сильного нажима отдадут весь сок и станут резиновыми.

Печень положил последней. Держал до корочки снаружи и розовой середины. Пережаренная печень горчит и крошится.

Целый бурдюк сыворотки вылил в котелок, добавил чабрец и поставил рядом с углями. Туда же слил сок из миски под готовыми потрохами.

Через двадцать минут осталось меньше половины. Я плеснул сыворотку на горячие камни, снял ложкой поджаренный мясной сок и вернул его в соус. Сыворотку использовал всю.

Первую порцию отдал Луке: печень, сердце, половинку почки под густой сывороткой. Следующие миски получили погонщики. Один ел с копьём в руке, второй растирал больное колено.

Лука попробовал печень и посмотрел на меня внимательнее. До этого считал обозным работником с большим ножом. Теперь начал понимать, зачем повара тащат в погоню вместе с оружием.

— Печень у тебя мягкая и совсем не горчит. Покажешь потом, сколько её держать на камне? Отец жарит до чёрного, а говорит, что так полезнее.

Я пообещал показать после моста. Секрет простой: горячая поверхность, толстый кусок и короткая жарка. Отвлекаться на солдат и овец в это время вредно.

Олаф ел у костра. За время готовки он сменил повязку, но вставать пока не пробовал. Форга получила миску возле связанных солдат. Сглаз сел подальше от чёрных ящиков.

Мне достались последние куски. Сердце вышло плотным, почки сохранили лёгкую резкость, печень оставалась мягкой. После кислой сыворотки жир ощущался мягче. Чабрецом пахло сильнее, чем внутренностями.

Потроха съели быстро. Лука перестал дрожать, погонщики заговорили о дороге, Гордей выпрямился возле костра. Со свежими внутренностями надо работать быстро, зато ими наедешься лучше, чем сухарём.

Лука рассказал, что утром провёл телегу с чёрными ящиками по козьей полке. Солдаты говорили о мосте над Белой Щелью и заставе Чёрного Знака. Там сходились быстрые дороги на равнину.

— Их главный велел надрезать канаты после прохода обоза. На дальнем конце остались стрелки. Мост пока держится, но человека в доспехах может уже не выдержать. В обход идти два дня, и там тоже стоят люди Легата.

Теперь Форга могла готовить проволоку заранее, а у моста мы сначала проверим канаты.

Форга расспросила, какие канаты трогали солдаты. Потом проверила остаток проволоки и сняла с телеги два крепких ремня.

Гордей забирал стадо в боковую долину, погонщики вели связанных солдат. В деревнях с ними разберутся за избитых пастухов.

Лука оставался с нами до моста. Гордей перевязал ему ухо, поправил ремни на сапогах и отдал запасной посох. Оба молчали и занимались снаряжением.

Через три часа полосы баранины подсохли и пропахли дымом. Часть я завернул в ткань, рядом убрал кусок белого сала. Остальное Гордей разделил между погонщиками. Кости и шкуру они забрали.

Перед полуночью мы развели людей по двум тропам. Гордей повёл овец в долину, Лука — нас к Белой Щели. До рассвета предстояло пройти несколько горных вёрст.

Теперь мы знали, что мост повреждён, а на дальнем краю ждут стрелки.

Блюдо дня: «Потроха на краю пропасти». Быстро обжаренные на горячих камнях печень, сердце и почки молодого барана с соусом из сыворотки и чабреца.

Глава 4: Мостнад Белой Щелью

8 день Серпня, 1103 год, рассвет

Подвесной мост над Белой Щелью.

К мосту мы вышли вместе с первым светом. Лука остановился возле каменного столба и показал на дальний край. Там доски провисли почти на человеческий рост.

На дне Белой Щели шумел ледяной ручей, над водой висел туман. Между мокрыми скалами тянулся мост шагов на сорок.

Форга легла на живот и осмотрела канаты. Из четырёх нижних связок две перерубили возле дальнего столба. Остальные держали настил, но доски уже разошлись. Для одного лёгкого человека проход ещё оставался.

Первая стрела ударила в камень рядом с её ухом. Гномиха скатилась за столб, стрела разлетелась по дереву.

На дальнем берегу сидели стрелки. Я увидел одного между валунами, второй прятался выше. Лука предупреждал, но знать про стрелу и услышать её возле головы — разные вещи.

Обход займёт два дня. За это время Штрудель доберётся до моря, а люди Легата соберут солдат на равнине. Олаф велел чинить мост.

Форга достала остаток проволоки и два ремня, снятые с телеги. Повертела всё в руках, посмотрела на обрубленные канаты.

— Я стяну нижнюю связку с дальним столбом. Проволока удержит витки, ремни примут вес. Переходить по одному и без прыжков. Последний может остаться без моста.

Последним собирался идти Олаф. После ночного перехода его повязка снова потемнела. Командир прислонился к столбу и даже спорить с Форгой не стал.

Для ремонта ей нужно было подобраться к дальнему краю. Под стрелами у неё оставалось мало времени. Мы со Сглазом занялись дымом.

Возле моста сохранился навес обходчика. Под крышей лежали сухие щепки, в канаве рядом рос мокрый мох и можжевельник. Я развёл два маленьких огня у самого входа на мост, потом накрыл угли сырой травой.

Пошёл густой дым. Сглаз встал между кострами с овечьей шкурой и начал гнать его вдоль настила. Воздух двигался к дальнему берегу. Дым ложился между канатами и закрывал доски.

Стрелки начали бить наугад. Одна стрела вошла в столб, две пролетели над нами. Сглаз добавил мокрого мха. Дышать стало трудно даже на нашем берегу.

Форга обвязалась палаточной верёвкой и поползла по настилу. Инструменты прижала к животу ремнём. На середине моста доски качнулись, но гномиха даже головы не подняла.

Возле разрыва она легла поперёк уцелевшего каната. Сначала обернула обрубленные концы кожей, потом притянула их к каменному столбу. Проволоку закручивала ключом, виток за витком.

На это ушло минут десять. Дым редел, стрелы ложились всё ближе. Последний виток Форга затянула уже у самого дальнего берега. Провисший край поднялся настолько, чтобы на доски можно было ставить ноги.

Я пошёл следующим. Дрын держал поперёк, кухонный нож оставил за поясом. Подо мной была вода, но с такой высоты она выглядела белой ниткой. Смотреть туда быстро надоело.

На середине доски разошлись. Пришлось поставить ногу на нижний канат и протиснуться боком. Стрела прошла через дым, задела рукав и улетела в Щель.

До дальнего столба я добрался целым. Первый стрелок выскочил из-за камня, когда я ступил на землю. Стрелять в упор он не успел. Я ударил дрыном по луку, потом плечом прижал его к скале.

Второй целился в Форгу. Гномиха бросила ключ и схватила его за сапог. Стрелок упал на колено, я достал его железным концом дрына. Третий успел сделать несколько шагов к тропе, но Форга зацепила его ноги палаточной верёвкой.

Теперь переходить можно было без стрел. Сглаз навьючил на себя наши мешки и взял котелок, захваченный в лагере. Лука держал страховочную верёвку, Олаф прикрывал вход на мост.

Сглаз прошёл половину, когда один ремень его груза зацепился за торчащую доску. Мост дёрнулся, гоблина повело к краю. Лука успел перерезать ремень.

В пропасть ушли захваченный котелок, три деревянные миски и моток палаточной верёвки. Сглаз остался на настиле. По мне, обмен хороший, хотя запас посуды теперь помещался у меня на поясе.

Лука перешёл следом. На месте разрыва он смотрел только на ноги и держал посох поперёк канатов. Когда добрался до нас, пальцы пришлось отцеплять от дерева по одному.

С ближней тропы донёсся топот. Из тумана вышли люди сигнального поста. Я насчитал шестерых, за ними вели гончую на цепи.

Олаф дождался, пока они подойдут к мосту, и ступил на настил. Шёл медленно, ставил сапоги возле верёвочных узлов. Преследователи сначала стреляли, потом двое полезли за ним.

На середине командир остановился и отбил стрелу топором. От движения его согнуло, на боку сразу выступила кровь. Олаф выпрямился и дошёл последние шаги, пока люди позади уже миновали первый столб.

Форга схватила его за кольчугу и стащила на камни. Олаф развернулся, одним ударом перерубил кожаную стяжку у дальнего столба.

Проволока лопнула. Обрубленные канаты выскочили из ремней, правая сторона настила провалилась. Люди на мосту повисли на перилах, потом оставшиеся связки сорвались с камня. Доски и канаты ушли в туман вместе с преследователями.

На нашем берегу остались два оборванных конца. На другом металась гончая и лаяли люди. Быстро перейти Белую Щель теперь не мог никто.

Олаф сидел у столба и прижимал ладонь к боку. Рана открылась полностью. Сглаз занялся повязкой, Форга смотрела на обрывки проволоки. Весь её запас и оба крепких ремня остались на мосту.

У нас сохранился один котелок, четыре миски и две пластины Форги. Запасная верёвка лежала на дне Щели. Для походной кухни бывало и хуже.

В сумках стрелков нашлись продукты. Мешок ржаной муки, сушёные груши, горсть орехов и маленький горшок мёда. Пока Олаф отдыхал, а Форга приводила инструменты в порядок, из этого можно было сделать еду на дорогу.

Готовка

После ночного перехода хотелось мяса и горячей каши. Мясо у нас было, зато варить его пришлось бы в единственном котелке и потом тащить мокрым. Впереди стояла застава. Там удобнее иметь еду, которую можно сунуть за пазуху.

За дальними камнями нашлась выемка, закрытая от ветра. По стене стекала чистая вода. Сглаз проверил её костяной иглой, Лука набрал полный котелок.

Сухие ветки лежали под нависшей плитой. Огонь развели небольшой. Дыма после моста хватило на всех, теперь нужны были ровные угли.

Мука сохранилась сухой, только у горловины мешка завелись жучки. Я просеял её через чистый кусок ткани. Жучков выбросил, крупные комки растёр пальцами.

Груши были твёрдыми, зато пахли сладко и без плесени. Нарезал их мелкими кубиками. Орехи расколол обухом ножа, ядра проверил и порубил. Два оказались прогорклыми, их отправил вслед за жучками.

Воду согрел в котелке и перелил в одну из мисок. Котелок остался у меня единственный, поэтому тесто замешивал в нём же. Ржаная мука берёт воду медленно. Если налить сразу много, вместо теста получится липкая грязь.

Я подливал тёплую воду понемногу и мешал рукоятью ложки. Когда мука собралась, добавил груши и орехи. Тесто вышло плотное, тёмное, с кусочками фруктов.

Десять минут оно лежало под тканью. За это время мука напиталась водой, и лепёшки меньше трескались по краям.

Форга отдала мне две металлические пластины. После потери проволоки расставаться ещё и с железом ей было тяжело. Я пообещал вернуть пластины чистыми, ровными и без мёда на крепёжных отверстиях.

Пластины положил над углями и прогревал постепенно. Ржаное тесто липнет даже к хорошей сковороде, а наши сковороды раньше служили частями арбалета. Я посыпал металл мукой и смачивал руки водой.

Из теста делал тонкие прямоугольники длиной с ладонь. Клад по два на каждую пластину. Одна сторона пеклась около трёх минут, потом я переворачивал лепёшки ножом.

Сильный огонь быстро чернил груши. Приходилось двигать пластины ближе к краю углей. Через сорок минут рядом со мной лежала стопка тонких ржанных лепёшек.

Горшок с мёдом поставил возле огня. Мёд стал мягче, но закипеть я ему не дал. Горячий мёд впитается в хлеб, кипевший оставит только сладость и обожжённый язык.

Я намазал одну лепёшку, накрыл второй и прижал ладонью. Груши и орехи внутри совпали не везде, зато мёд удерживал половинки вместе. Получилась плотная двойная лепёшка, удобная для дорожного мешка.

Первую пару отдал Форге. Гномиха осмотрела края, проверила, сколько мёда вытекло, и только после этого откусила.

— Мост она удержала ремнями и проволокой, нас провела под стрелами. Поэтому первая лепёшка её. Кто хочет спорить, сначала пусть вернёт котелок из Белой Щели.

Это сказал я. Желающих лезть за котелком не нашлось.

Форга ела медленно. Обычно она проглатывала пищу во время работы. Сейчас попробовала ржаной край, потом добралась до груши с мёдом и доела всё перед возвращением к инструментам. Значит, первую порцию я отдал правильно.

Олаф получил вторую пару. Сглаз ел свою, придерживая мёд пальцем, и всё равно вымазал рукав. Луке досталась самая толстая лепёшка с большим куском груши.

Ржаной хлеб получился плотным и немного кислым. Орехи хрустели, груши размягчились на пластине, мёд пропитал середину. Две тонкие лепёшки держали начинку лучше одной толстой и не ломались в мешке.

Пока мы ели, Форга собрала инструменты и пересчитала остатки. Проволоки не было, крепких ремней тоже. Арбалет после ремонта работал, но болтов в колчане не прибавилось.

Олаф пролежал у огня около сорока минут. Кровь под новой повязкой остановилась, жар остался. Командир смог подняться сам и взял топор. На ближайший короткий бой сил хватит, на второй я бы уже не рассчитывал.

Шесть пар лепёшек я завернул в сухую ткань. Мёд остался между слоями, поэтому руки в дороге будут чистыми. Одну пару отдал Луке на обратный путь.

После моста он провёл нас к плечу скалы. Оттуда вниз шла пастушья тропа, по которой Лука к вечеру выйдет в долину Гордея. Для людей в кольчугах этот обход занял бы два дня. Мальчишка с посохом пройдёт быстрее.

Мы попрощались без долгих речей. Лука пожал Форге руку, ещё раз спросил меня про печень и ушёл вниз, прижимая лепёшку за пазухой.

С плеча скалы открылась дорога на равнину. Прямо под нами стояли две каменные башни, тяжёлые ворота и чёрные щиты со знаком разбитой башни. За воротами начиналась единственная быстрая дорога к югу.

До заставы Чёрного Знака оставался последний спуск.

Блюдо дня: «Медовые мостки». Тонкие ржанные лепёшки с сушёными грушами и орехами, сложенные попарно с тёплым мёдом.

Глава 5: Застава Чёрного Знака

8 день Серпня, 1103 год, день

Южный выход из гор, застава Чёрного Знака.

Ниже моста нашёлся сторожевой загон. В нём бродили девять овец, возле навеса стояла телега с тюками сена. Всё принадлежало стрелкам, оставшимся у Белой Щели. Стрелки теперь лежали связанными у разрушенного моста, а хозяйство осталось без присмотра.

Олаф посмотрел на овец, потом на заставу внизу. Через открытые ворота туда загоняли стада, телеги и людей. Вооружённый отряд вызовет вопросы. Двое мокрых погонщиков с большим слугой могут вызвать только ругань из-за грязи во дворе.

Форга забралась между тюками. Сверху мы набросали сена, рядом положили её арбалет и инструменты. Гномиха велела не садиться на средний тюк. Я и без неё понимал, что сидеть на Форге вредно.

Сглаза завернули в овечью шкуру. После дыма на мосту глаза у него слезились, лицо стало серым. Для больного слуги ничего изображать почти не пришлось.

Олаф спрятал топор под сеном и перевязал бок поверх старой рубахи. Я надел плащ одного стрелка, дрын положил вдоль борта. Лука к этому времени уже ушёл к долине Гордея. Овец пришлось гнать нам самим.

Перед заставой мы подождали в складке дороги. Из ворот выехали двенадцать всадников и направились к мосту. Видать, пост у Белой Щели вовремя не подал знак. Внутри осталась малая смена.

Когда всадники скрылись за поворотом, мы двинулись вниз. Овцы шли охотно, пока видели сено. Телега скрипела так, что караульные услышали нас задолго до ворот.

На башнях висели чёрные щиты с разбитой башней. Под ними стояли лучники. Во дворе я насчитал шестерых солдат, ещё двое сидели у подъёмного механизма. Начальник заставы смотрел из окна над общим залом.

Караульный остановил телегу под решёткой. Спросил, чьё стадо и почему мы идём со стороны закрытого моста. Я рассказал про разбежавшихся овец, мёртвых стрелков и людей на северном склоне. Правды там было достаточно, чтобы ложь не пришлось запоминать.

Сглаз закашлялся под шкурой и свесился с борта. Караульный отступил, прикрыл рот рукавом и велел быстрее убирать больного с прохода.

Телега въехала во двор. За спиной начала опускаться тяжёлая решётка. Я уже решил, что пройдем спокойно, когда второй караульный посмотрел на объявление возле ворот.

На листе был нарисован я. Художник сделал мне маленькие глаза, большой нос и добавил пятна на фартуке. Сходство получилось обидное, зато достаточное.

Солдат перевёл взгляд с рисунка на мою рожу и потянулся к колоколу.

— Закрыть внутренние двери! Это повар из «Чёрного Отребья». Остальные должны быть в телеге.

Я ударил его дрыном по руке. Колокол качнулся, но язык не достал до края. Вторым караульным схватил меня за плащ, и мы вместе врезались в борт телеги.

Из сена донеслась ругань. Форга вылезла наружу, скатилась под подъёмный механизм и забила железный клин между зубцами. Решётка остановилась в двух ладонях над землёй.

Овцы разбежались по двору. Сглаз сбросил шкуру и хлестнул крайнюю по крупу. Стадо понеслось к конюшне, караульным пришлось прыгать с дороги.

Я освободился от плаща, ударил второго солдата в живот и увидел Олафа. Командир достал топор из сена. Двигался без рывков, как на карнизе, и выбирал ближайшего человека.

Начальник заставы спустился по лестнице с мечом и двумя солдатами. На нём была кольчуга, поверх неё — чёрный знак разбитой башни. Он приказал поднять решётку, потом увидел Форгин клин.

Олаф встретил первого солдата обухом. Второго пропустил мимо и ударил рукоятью под колено. Начальник успел поднять меч, но командир уже стоял близко. Лезвие топора легло ему на плечо возле шеи.

Остальные остановились. Сглаз держал костяную иглу у глаза караульного, Форга сидела на механизме с молотком, я перекрывал выход во двор. Сражаться за начальника никто не хотел.

Мы забрали оружие и связали солдат поводьями из конюшни. Работников кухни, писаря и двух конюхов заперли в общем зале вместе с ними. Всего набралось пятнадцать человек. Остальные двенадцать могли вернуться в любой момент.

У Олафа снова пошла кровь. Короткого боя хватило, чтобы повязка промокла. Я посадил командира у стены, Сглаз занялся раной, а Форга осталась возле механизма.

В комнате начальника лежали ещё объявления. На одном нарисовали Олафа, на другом Форгу и Сглаза. Под рисунками стояли наши имена, приметы и награда. Писарь признался, что переписал их ночью.

Начальник заставы сначала молчал. Потом увидел, как Олаф проверяет лезвие топора, и сообщил главное.

— Курьер ушёл на равнину перед рассветом. Ваши лица уже знают в Липовце и на дорожных постах. К вечеру листы будут у каждого десятника до самого Волнореза.

Через ворота проходить под своим видом больше не получится. Служебная дорога за кухней вела к известковому карьеру, но по ней ездили только работники заставы. Нам требовалось прикрытие и несколько часов, пока поисковый разъезд уйдёт от моста дальше в горы.

На кухне с утра горел очаг, над ним висел большой котёл. На столе лежала копчёная свиная голова, в кладовой нашлись овёс, морковь, чеснок и слабое пиво.

Пятнадцать пленных тоже хотели есть. Голодный человек громче спорит и охотнее делает глупости. Сытый хотя бы сначала слушает.

Готовка

Большой котёл после солдатской кухни оказался жирным, но чистым. Воду брали из колодца во дворе. Сглаз проверил ведро, потом помог донести второе. На всех требовалось много каши.

Свиную голову коптили целиком. Щетину обожгли плохо, в ушах осталась сажа. Я облил голову кипятком, выскоблил ножом кожу и вымыл рот. Зубы оставил на месте: в кашу они сами не полезут.

Голову положил в котёл и залил водой до ушей. Мясо уже наполовину приготовилось при копчении. После закипания снял пену и оставил голову на слабом огне примерно на час.

Овёс оказался лучше гончего корма. Зёрна сухие, без навоза и камней. Форга перебрала их прямо у подъёмного механизма. Она следила за клином и бросала сор в щель между досками.

Морковь я вымыл, соскоблил кожицу и нарезал мелкими кубиками. Чеснок очистил отдельно. Его нужно добавить в самом конце, иначе запах уйдёт, а останется варёная сладость.

Пиво было слабым, почти без хмеля. Сглаз понюхал кружку, проверил каплей на своей игле и выпил. После этого разрешил использовать остальное. Для каши такая жидкость лучше воды: зерно получает хлебный вкус и лёгкую кислинку.

Пока голова варилась, поисковый разъезд вернулся к воротам. Послышались копыта, потом кто-то ударил рукоятью копья по решётке. Форгин клин держал механизм намертво.

Олаф поднял начальника на ноги и подвёл к бойнице. Тот крикнул своим людям, что беглецы ушли по северной тропе, а решётку заклинило после дождя. Голос у него дрожал, зато всадники поверили.

Они ругались ещё несколько минут. Потом половина разезда поскакала обратно к мосту, остальные ушли проверять пастушьи дороги. Мы дождались, пока копыта затихнут.

Через час я вынул голову на деревянный поднос. Кожа стала мягкой, щёки отделялись ложкой. Я вытащил язык, облил холодной водой и снял белую шкурку. Мясо щёк и язык нарезал длинными полосами.

Часть жирного бульона вычерпал в ведро для вторых порций. В котёл влил два кувшина пива, добавил морковь и овёс. Зёрна сыпал постепенно и постоянно мешал. Большой котёл пригорает так же легко, как маленький.

Каша варилась ещё сорок минут. Овёс разбух, морковь стала мягкой, пиво потеряло резкий запах. Полоски языка и щёк я вернул в котёл за десять минут до конца.

С головы вытопилось достаточно жира. Я взял несколько ложек, растёр с чесноком в деревянной миске и добавил горячего бульона. Получилась густая пахучая смесь.

Котёл снял с огня. Чесночный жир ввёл перед самой подачей и хорошо размешал. Теперь запах дошёл даже до общего зала. Пленные перестали разговаривать и повернули головы к кухне.

Первую миску я отдал караульному, которому попал дрыном по руке. Кость была цела, пальцы распухли. Он ждал допроса, а получил густую кашу с полосками языка.

Караульный попробовал осторожно, потом начал есть быстрее. За ним получили миски остальные пленные. Олаф сидел у двери и следил, чтобы ложки не превратились в оружие. Форга ела возле своего клина, Сглаз — рядом с окном.

Я попробовал последним. Овёс впитал пиво и копчёный бульон. Щёки были мягкими, язык плотнее. Морковь добавляла сладость, свежий чеснок оставлял жар во рту. Соли хватило от копчёной головы.

Каша получилась тяжёлая и сытная. После неё можно долго сидеть тихо, что нам сейчас и требовалось.

Начальник заставы ел отдельно под присмотром Олафа и всё ещё ждал разезд. Остальные уже смотрели на него без прежней готовности подчиняться и начали рассказывать, чем живёт застава.

Первым заговорил конюх с обожжённой щекой. Он возил грузы по служебной дороге и знал расписание карьера.

— Каждый вечер отсюда отправляют телегу с погибшими. Говорят, известь нужна для могил, только телега возвращается пустой, а некромант платит за каждое целое тело. Сегодня повезут людей с перевала. Возница ждёт у дальнего сарая.

Вот и прикрытие. На заставе искали вооружённых беглецов, на равнине ждали наши лица. Под покойников пока никто не заглядывал.

Мы оставили пленным ещё по миске, разбавив кашу горячим бульоном. Конюх согласился вести телегу, если после карьера мы отпустим его к семье. Олаф согласился и объяснил последствия попытки позвать стражу.

Остаток каши разложили по горшкам для работников. Из кладовой я взял малый мешок овса. В дорожном мешке оставались пять медовых мостков.

До вечера Форга удерживала решётку клином. Когда поисковые отряды ушли выше по склону, мы открыли служебный выход к карьере. Главные ворота остались закрытыми, пленные — связанными в общем зале.

У дальнего сарая стояла широкая телега под серым полотном. На дне лежали тела людей, погибших в горах. Возница запряг лошадь и отвернулся, пока мы устраивались среди покойников.

Полотно опустили сверху. Пахло кровью, холодным железом и известью от старых досок. Телега выехала со двора заставы и свернула на служебную дорогу.

Блюдо дня: «Каша заставного начальника». Овсяная каша на слабом пиве и копчёном бульоне с полосками свиных щёк, языка, морковью и чесночным жиром.

Глава 6: Телегас мертвецами

8 день Серпня, 1103 год, вечер

Известковый карьер к югу от заставы.

Под мертвецами оказалось тесно. Один лежал локтем у меня на горле, второй прижимал к доскам левую ногу. На каждом ухабе все они сдвигались, и приходилось упираться руками, чтобы не задохнуться.

Олаф лежал справа. Я слышал его дыхание через чужой камзол. После заставы рана снова горела, а запах крови под полотном становился всё сильнее. Командир терпел молча.

Форга устроилась у заднего борта рядом со своими инструментами. Сглаз лежал ближе к вознице и считал повороты дороги. По его пальцам выходило, что до карьера мы ехали около двух часов.

Телега остановилась на спуске. Снаружи скрипнули ворота, лошадь повели вниз. Под полотном стало светлее, воздух наполнился сухой белой пылью.

Карьерный хозяин встретил возницу возле печей. Голос у него был высокий, недовольный. Он спросил, сколько тел, откуда их привезли и почему на одежде столько свежей крови.

Конюх ответил по заученному: двенадцать погибших с перевала, тела не трогали, бумаги подписал начальник заставы. Некромант потребовал загнать телегу под большой навес.

— Сложите целых отдельно. Легат платит за руки, зубы и глаза. Всё разрубленное отправляйте в печь, зола тоже пригодится для меток.

После этих слов разговор про обычные могилы закончился.

Возница завёл лошадь под навес, поставил тормоз и ушёл к колоде с водой. Мы дождались, пока шаги отдалятся. Олаф первым столкнул с себя тело и приподнял полотно.

Вокруг стояли белые стены карьера. Две известковые печи горели возле скалы, между ними тянулись сараи и глубокие ямы. У ворот дежурили трое работников с копьями. Некромант находился у первой печи и писал в книге.

Я выбрался из телеги, потом вытащил Сглаза. Форга прыгнула сама. Олаф сел на край и закашлялся. Каждый вдох поднимал известковую пыль с его одежды.

Некромант услышал кашель и повернулся. На нём был кожаный фартук, на шее висели железные пластинки со знаками. Вместо крика он ударил посохом по камню.

Чёрная черта на борту телеги засветилась тусклым серым светом. Такая же появилась на обеих печах. Тело возле моих ног согнуло пальцы.

Покойники начали подниматься. Один свалился с телеги прямо на Форгу, другой сел и схватил Олафа за кольчугу. Те, что лежали на земле у печей, встали между нами и воротами.

Я ударил ближайшего дрыном в грудь. Рёбра сломались, покойник отступил на шаг и снова потянулся ко мне. С мёртвыми этот способ работает хуже, чем с живыми.

Олаф отсёк руку, державшую кольчугу, и прыгнул на землю. После двух движений у него начался кашель, топор пришлось опереть на плечо.

Сглаз увидел управляющие знаки. Главный был на телеге, ещё два — над дверцами печей. Пока линии оставались целыми, некрмант мог поднимать тела снова.

Гоблин полез под телегу к первой метке. Два покойника повернули за ним. Я встал между ними, упёр дрын в горло одному и навалился всем весом. Второй ухватил меня за рукав.

Форга отбилась от тела молотком и огляделась. Возле печи лежала куча белой пыли, перемешанной с угольной крошкой. Сама известь не горит. Мелкий уголь в воздухе вспыхивает очень хорошо.

Она подняла смесь железной пластиной в воздух перед горячим устьем печи и ударила по кремню.

В воздухе появилась короткая жёлтая вспышка. Угольная пыль сгорела сразу, известь разлетелась густым белым облаком. Работники у ворот закрыли лица и бросили копья. Некромант тоже отвернулся.

Сглаз провёл костяной иглой поперёк знака на телеге. Серая линия разорвалась. Покойники возле меня обмякли, один придавил мне сапог.

Две метки на печах продолжали действовать. Из ямы полезли новые тела. Сглаз побежал к первой печи, низко пригнувшись под пылью. Из носа у него уже шла кровь.

Мы с Олафом пошли к некроманту. Командир двигался медленно, я держал дрын перед нами. Хозяин карьера выставил посох, железные пластинки на его шее задребезжали.

Первый удар посоха пришёлся по дырну. Пальцы у меня онемели. Вторым я пропустил мимо и схватил древко обеими руками. Некромант тянул к себе, пока Олаф не подошёл сбоку.

Топор ударил обухом в висок. Хозяин карьера упал возле своей книги. Олаф сделал ещё шаг, сел на камень и долго кашлял белой слюной.

Сглаз разорвал вторую метку, потом третью. Последние поднятые тела рухнули возле ворот. Работники карьера разбежались по служебной дороге. Возница уехал вместе с ними; свою часть сделки он выполнил.

Форга закрыла заслонки печей. Мы связали некроманта и заперли в железной клетке, где раньше держали тела. После удара он дышал, но говорить пока не мог.

В его книге записывали каждую доставку. Возле имён стояли пометки: целый, обгоревший, без руки, годен для караула. Наверху страницы была печать с разбитой башней. Легат покупал погибших и собирал из них охрану для дорог.

В конторе нашлась карта. Служебная дорога шла от карьера прямо к восточным воротам Липовца. До города оставалась одна ночь пешком.

После известковой вспышки горло саднило у всех. Олаф кашлял сильнее, Сглаз говорил шёпотом, у Форги слезились глаза. В сарае стояли клетки с восемью живыми курами, рядом лежали уксус, чеснок, сушёный хрен и мешок соли.

Вечером к городу всё равно не пустят. Нам требовалось промыть глаза, отдышаться и дать Олафу время. Двух кур хватало на крепкий бульон, остальные могли помочь у ворот утром.

Готовка

Котёл некроманта стоял возле его конторы. Внутри засох чёрный жир, на внешней стенке был нарисован такой же знак, как на телеге. Готовить в этом сразу я бы не стал даже для Штруделя.

Сглаз соскоблил знак костяной иглой. Я выскреб жир песком и золой, трижды промыл котёл водой. Потом налил воды с кружкой уксуса, прокипятил десять минут и вылил в яму подальше от колодца.

Чистую воду брали из закрытой бочки возле жилого сарая. Пыль туда почти не попадала. Сглаз проверил воду, Форга принесла два ведра.

Из восьми кур я выбрал двух самых старых. Молодые неслись и были нужнее для торговли. Кур зарезал, ошпарил кипятком и оципал. Перья собрал в мешок: на воротах даже мусор должен выглядеть купеческим товаром.

Тушки выпотрошил и промыл. Сердца и желудки очистил, добавил к мясу. Печень оставил целой, чтобы положить в котёл перед самым концом.

Кур положил в чистый котёл, залил холодной водой и медленно довёл до кипения. Пену снимал несколько раз. После извести в миске хотелось видеть прозрачный бульон, а не ещё одну белую взвесь.

Чеснок раздавил плоскостью ножа. Половину зубчиков положил сразу вместе с солью и щепотью сушёного хрена. Остальное оставил до конца, чтобы запах сохранился.

Огонь держал слабый. Старой курице требовалось около часа. При сильном кипении мясо станет жёстче, бульон помутнеет, а хрен потеряет весь запах.

Пока варилось, Форга занялась клетками. В одной сломалась нижняя планка, дверца второй держалась на кожаном шнурке. Проволоки у неё уже не было, поэтому планку прибила гвоздями из навеса, дверцу перевязала полосой от фартука некроманта.

Сглаз промывал глаза чистой водой и листал книгу доставок. Он нашёл записи о телах из деревень возле Перевала и о трёх телегах, отправленных дальше к морю. Значит, карьер был частью большой работы, а не прихотью одного колдуна.

Через час мясо легко отходило от костей. Я вынул кур на деревянный поднос, снял кожу и разобрал мясо на волокна. Кости вернул в котёл ещё на десять минут, потом выловил.

В готовый бульон вернул мясо, сердца, желудки и нарезанную печень. Добавил оставшийся чеснок и ещё немного хрена. Уксус вливал по ложке, каждый раз пробуя. Кислота должна прочистить рот, а не содрать с него кожу.

После четвёртой ложки вкус стал достаточно острым. Я дал бульону один раз подняться и снял котёл с огня. Соли добавил совсем немного: после пыли пить хотелось сильнее, чем есть.

Первую миску отдал Олафу. Он сидел у открытой двери, завернувшись в плащ. Сделал глоток, закашлялся и выплюнул в траву серую слизь. Потом попробовал снова.

— Хрен злой, уксус ещё злее. Зато теперь я чувствую горло, а не одну извесь. Наливай мясо.

Я добавил ему куриных волокон. Форга получила вторую миску, Сглаз третью. Себе налил последним и сел возле клеток.

Бульон получился крепким и чистым. Сначала чувствовалась курица и чеснок, потом уксус, в конце хрен прогревал нос и горло. После нескольких ложек дышать стало легче, вернулся голод.

Мясо старых кур было плотным, но в горячем бульоне жевалось нормально. Мы доели обеих птиц и выпили почти весь котёл. Остаток оставил на утро в закрытом горшке.

Шесть живых кур получили овёс из заставы и воду. В соломе под клетками нашлось восемь целых яиц. Клетки Форга поставила на маленькую двухколёсную тележку из сарая.

Мешок соли, уксус и часть сушёного хрена я забрал с собой. Кусок бараньего сала всё ещё лежал рядом с подвяленным мясом. Для торговли птицей запас выглядел убедительно.

Перед уходом к воротам вернулись двое работников. Мы показали им связанного некроманта и разрушенные метки. Книгу с печатью забрали: в Липовце её должен прочитать человек с властью и стражей.

Ночью мы вышли на служебную дорогу. Форга катила клетки, Сглаз нёс мешок с продуктами. Олаф шёл под плащом, я толкал тележку на подъёмах.

К рассвету горы остались за спиной. Впереди появилась каменная стена Липовца. Перед воротами уже стояли телеги, всадники и люди с узлами. Стража проверяла лица и каждый груз.

До города мы добрались. Войти в него предстояло под чужими именами.

Блюдо дня: «Поминальный куриный хрен». Крепкий бульон из старых кур с чесноком, сушёным хреном и уксусом, с разобранным мясом в каждой миске.

Глава 7: Первыеогни равнины

9 день Серпня, 1103 год, утро

Перед восточными воротами Липовца.

Очередь начиналась за полверсты от городской стены. Телеги стояли в два ряда, между ними ходили стражники с дощечками. Проверяли лица, заглядывали под тюки, тыкали копьями в сено.

Возле ворот крутились люди без формы, зато с мечами и листами розыска. Охотники за наградой рассматривали каждого путника дольше стражи. Один уже вытащил из очереди рыжего мужика, который был похож на рисунок только бородой.

Пешком мы Штруделя уже не догоняли. На равнине ему хватит хорошей лошади, нам же требовались деньги, лечение для Олафа и способ пройти ворота. Для начала годился город.

Шесть кур в клетках выглядели настоящим товаром. Тележка выглядела хуже. Одно колесо тянуло в сторону, планки были белыми от извести, из-под досок пахло карьером.

Форга сняла колесо прямо в канаве. Подложила шайбу, выправила скобу и занялась треснувшей клеткой. Работала молча. После моста у неё почти не осталось крепежа, каждый гвоздь приходилось вытаскивать из тележки и ставить в другое место.

Сглаз надел старую шапку до самых бровей и повесил на плечо мешок с овсом. Гоблин-слуга у разорившихся торговцев выглядел правдоподобно. Особенно когда ругался на кур своим обычным голосом.

Олаф спрятал кольчугу и повязку под широким плащом. Лицо у него стало серым, губы пересохли. Он изображал больного старшего хозяина. Здесь тоже можно было обойтись без особого притворства.

Мне досталась торговля. Денег у нас не было, городская пошлина бралась медью, а книга некроманта для караульного годилась только на растопку. Продать одну из кур означало лишиться части прикрытия. Яйца давали лучший выход.

Восемь яиц лежали в корзинке под сеном. Обычное яйцо у ворот стоит мало. Если стражник голоден, горячее и пахучее можно продать дороже, а заодно заставить его смотреть на еду.

Мы откатали тележку с дороги и нашли место у заброшенной пасеки. Плетёный забор упал, крыша пчельника провалилась, ульи заросли травой. Люди давно ушли, пчёлы тоже.

На стене висели соломенная шляпа и старый дымарь. Шляпу надел я, сажей из дымаря натёр щёки и шею. Красивее не стал, зато повар с объявления обычно ходил без шляпы и был нарисован чистым.

В одном улье сохранился запечатанный сот. Большую часть мёда испортили мыши, но в дальнем углу набралось около кружки. Сглаз проверил сот и разрешил брать. Половины хватало на яйца, остаток я переложил в маленький горшок.

У колодца возле пасеки рос дикий щавель. Листья были молодыми, без ржавых пятен. Я нарвал две горсти, промыл водой и попробовал стебель. Кислый, чистый.

Теперь у нас были яйца, щавель, мёд, соль из карьера и кусок бараньего сала с каменного карниза. До хорошего завтрака не хватало только спокойствия. Для еды у городских ворот это обычное дело.

Стражник из очереди подошёл узнать, почему торговцы устроили стоянку. Увидел клетки, проверил печать на колёсной оси и потребовал пошлину. Я объяснил, что сначала продам товар его людям, потом заплачу из выручки.

Он посмотрел на известь на нашей одежде, на больного Олафа и на мои руки. Потом велел уложиться в полчаса. Если запах окажется хуже вида, нас отправят в конец очереди.

Готовка

Воду взял из пасечного колодца. Сглаз проверил её первым. Котелок у нас остался один, поэтому сначала вымыл его песком и прогрел над огнём.

Очаг сложил из кирпичей от старого пчельника. Под навесом сохранились сухие щепки и доски. Огонь развёл небольшой, чтобы яйца не прыгали в кипятке и не трескались.

Щавель порубил вместе со стеблями и положил в воду. Через несколько минут отвар стал зелёным и кислым. Листья я выловил, иначе они налипнут на скорлупу и товар будет похож на болотные камни. Кислота заодно размягчит скорлупу возле трещин.

Яйца опускал ложкой по одному. Все восемь уместились. Варил около восьми минут, потом перенёс котелок к колодцу и залил холодной водой.

Скорлупа снялась легко. Два яйца треснули при варке, их я отложил для нас. Остальные вернул в тёплый щавелевый отвар ещё на несколько минут. Кислота вошла в наружный слой белка.

Пока яйца варились, Форга закончила клетку и дала мне одну металлическую пластину. Я положил её над углями, вытопил на ней баранье сало и убрал шкварки.

Варёные яйца обсушил тканью и выложил в горячий жир. Они катались по металлу, поэтому приходилось придерживать ложкой и поворачивать. Через пять минут на белке появились золотистые пятна.

Мёд смешал с щепотью соли. Сладость без соли получилась бы плоской, особенно после кислого щавеля. Я снял пластину с огня и обмазал яйца тонким слоем. На горячем белке мёд сразу стал прозрачным.

Держать их над огнём после мёда нельзя. Сахар сгорит раньше, чем стражник достанет монету.

На всё ушло меньше получаса. Шесть целых яиц я уложил в чистую корзинку. Два треснувших разрезал на четвертинки и дал попробовать своим. Горшок с оставшимся мёдом спрята́л под мешком овса.

Олаф съел кусок медленно. Сглаз сначала слизал мёд, потом проглотил яйцо целиком и закашлялся. Форга откусила половину, посмотрела на исправленную клетку и вернулась затягивать колесо.

Вкус вышел странный, но правильный. Сначала мёд и соль, потом жареный жир, в конце кислая полоска щавеля. Простое варёное яйцо так долго во рту не держится.

Я завернул корзинку тканью, посадил кур ровнее и вернул тележку в очередь. За время готовки мы потеряли всего три места.

У ворот висели объявления с рисунками. Издалека лиц было не разобрать. Олаф опустил голову, Сглаз согнулся под мешком, Форга встала за клетками. Я пошёл впереди и громко предлагал горячие яйца.

Тот самый стражник встретил нас возле стола писаря. Он уже приготовился требовать пошлину. Я развернул ткань, пар и запах бараньего жира сделали остальное.

Первое целое яйцо отдал ему. Стражник разрезал белок ножом, понюхал, попробовал вместе с мёдом. Лицо у него сначала стало недоверчивым, потом жующим.

— За такое яйцо просишь медяк, а за вход должен три. Продашь остальные караулу по полмедяка и получишь запись торговца. Кур считать будем отдельно.

Я назвал цену выше и объяснил, что щавель собран до рассвета, мёд горный, а сало от молодого барана. Про карьер и покойников рассказывать не стал. После короткого торга мы сошлись на четырёх медяках за оставшиеся пять яиц.

Стражник позвал товарищей. Пока они делили яйца, писарь спросил имена и происхождение товара. Я назвался Бруном, разорившимся торговцем птицей из Верхних Дворов. Олафа записали моим братом, Форгу — наёмной мастерицей, Сглаза — слугой.

Писарь заглянул в клетку. Одна курица клюнула его в палец. Он выругался, поставил печать и записал шесть голов живой птицы. Получилось убедительнее любой моей речи.

Старший караульный подошёл с листом розыска. На нём был нарисован большой человек с кухонным ножом. Он посмотрел на меня, потом на яйцо в руке своего подчинённого. Подчинённый откусил ещё, позвал второго стражника и начал делить оставшиеся прямо на писарском столе.

Я начал рассказывать, что в городе за такие яйца попрошу вдвое дороже, если найду хорошее место на рынке. Подчинённый подтвердил, что товар съедобный, и попросил оставить рецепт для караульной кухни.

Старший снова посмотрел на рисунок. Художник изобразил Брюкву без шапки, в фартуке и с окровавленным тесаком. Перед ним стоял грязный торговец в соломенной шляпе, пахнувший курятником и мёдом.

Он уже повернулся к Олафу, но один из караульных сунул ему половину яйца и спросил, можно ли купить курицу для общей кухни. Разговор сразу перешёл к цене птицы. Олаф остался под капюшоном.

Он вернул лист на стол и велел пропустить тележку.

Три медяка ушли на пошлину. Один остался у меня в ладони. Первая монета с тех пор, как мы выбрались из долины Дракона. За неё пришлось сварить восемь яиц и соврать четырём стражникам.

В городскую книгу нас вписали законно. Под чужими именами, с настоящими курами и уплаченной пошлиной. Если кто-то спросит, утром девятого Серпня торговец Брун вошёл в Липовец через восточные ворота.

За стеной начиналась широкая площадь. Пахло хлебом, конским навозом и дымом ремесленных печей. После гор людей оказалось слишком много. Каждый мог посмотреть в нашу сторону.

Объявления висели на столбах, дверях и стене ратушного склада. Здесь рисунки были лучше. Под нашими лицами крупными буквами написали обвинение.

«Чёрное Отребье» убило барона фон Штруделя в долине Морового Дракона, разграбило его отряд и похитило Чёрную Жемчужину — древнюю реликвию короны. За живых полагалась награда, за мёртвых половина.

Штрудель ехал к морю живым. Теперь он ещё и считался собственной жертвой. Удобная смерть: можно прятаться от королевских людей и одновременно натравить их на нас.

Олаф дочитал объявление и опёрся на тележку. Под плащом снова проступила кровь. До следующей погони ему требовался хирург.

Мы свернули с площади в ремесленный переулок. Шесть кур кудахтали в клетках, в кармане лежал один медяк, а весь город уже знал наши настоящие лица.

Блюдо дня: «Яйца беглых торговцев». Сваренные в щавелевом отваре яйца, обжаренные на бараньем сале и покрытые тонким слоем солёного мёда.

Глава 8: Городчужих лиц

9 день Серпня, 1103 год, день

Липовец, трактир «Медный петух».

Олаф дошёл до ремесленного переулка и сел возле бочки. Под плащом кровь пропитала две повязки. Кожа вокруг раны стала твёрдой, от чёрных краёв по боку расходились тонкие тёмные жилки.

Сглаз осмотрел их и велел искать хирурга. Травмами такое уже не удержать. В городе подходил один человек — доктор Бальтасар Клин, костоправ и любитель резать всё, что ещё можно зашить обратно.

Аптекарь с соседней улицы сообщил, где его искать. Бальтасар с утра пил в «Медном петухе». Там же сидели охотники за наградой, которые съехались в Липовец за нашими головами.

Мы оставили тележку с курами во дворе прачечной. Хозяйка получила двух птиц и согласилась спрятать Олафа в сарае до вечера. Одну из оставшихся кур забрал хозяин трактира за несколько медяков. Три птицы оставались товаром Бруна и прикрытием для кухни.

Медная птица над дверью трактира блестела на солнце. Под ней стояли четверо вооружённых людей и сравнивали прохожих с объявлениями. Через окна общего зала я увидел ещё десятка два.

Входить туда с топором было плохой мыслью. Входить через кухню с мясом — уже лучше.

За трактиром находились узкий двор, прачечная и погребная дверь. Форга осталась следить за конюшней и задним выходом. Сглаз пролез в угольное окно подвала. Я взял корзину с тремя оставшимися курами и пошёл к кухне.

Хозяин «Медного петуха» встретил меня возле помойной ямы. Толстый мужик в засаленном переднике держал в одной руке счёты, в другой половник. В зале требовали обед, его повар уснул после ночной смены, а помощник порезал ладонь.

Я назвалсся Бруном, показал городскую запись и предложил кур вместе с работой. Хозяин заглянул в корзину, потом на мои руки.

— Сваришь обед на сорок мисок и не спалишь кухню — получишь пять медяков. Испортишь мясо — уйдёшь без кур и без штанов.

Условия бывали хуже, поэтому я надел чужой передник и вошёл.

Кухня была просторная, с двумя очагами и длинным столом. В бочке лежала говяжья обрезь, рядом стояли корзины со свёклой и капустой. На крюке висело сало, у стены — три кувшина ржаного кваса.

Через раздаточное окно просматривался общий зал. Люди сидели плотно, оружие держали рядом. У печи за отдельным столом я заметил тяжёлого мужчину с аккуратной бородой и серебряным футляром. Красные глаза, широкие пальцы, кружка вина — это был Бальтасар Клин.

Охотники обсуждали нас громко. Один бывший стражник пересказывал объявление: мы убили Штруделя ради Жемчужины, устроили обвал на перевале и подняли мертвецов против королевских людей. Про некроманта в карьере объявление почему-то молчало.

После обвинений прочитали награду: за всех четверых живыми обещали тысячу золотых, за тела — половину. Олафа оценили дороже остальных. Я шёл вторым и решил считать это признанием своих талантов.

С такими деньгами каждый человек в зале внимательно посмотрит даже на родную мать. Нам требовалось убраться от лестницы и заднего прохода хотя бы на несколько минут.

Из подвальной двери возле кладовой показалась рука Сглаза. Гоблин нашёл ход под лестницу, щель в общий зал и засов на двери прачечной. Я передал ему клочок бумаги для Бальтасара: «Теневая рана; человек теряет сознание; задний двор».

Сглаз снова ушёл в подвал, а я занялся обедом.

Форга дважды прошла мимо кухонной двери с корзиной белья. Так она показала, что в конюшне сидят трое охотников, а проход через прачечную свободен. Когда доктор выйдет к кухне, у нас будет одна спокойная минута.

Готовка

Хозяин отдал продукты по уговору, значит, экономить каждую косточку для себя не требовалось. Требовалось накормить зал так, чтобы люди пришли за мисками одновременно.

Воду брали из кухонного колодца во дворе. Помощник принёс четыре ведра. Я проверил запах, отстоял первое ведро от песка и наполнил большой котёл наполовину.

Говяжья обрезь была разная: куски шеи, плёнки с рёбер, края лопатки. Я срезал железы, убрал потемневший жир и нарезал всё одинаковыми полосками. Так мясо приготовится в одно время.

Сало порубил и вытопил в широкой сковороде на первом очаге. Шкварки вынул, в горячий жир начал закладывать мясо небольшими порциями. Если свалить всю обрезь сразу, она отдаст воду и станет серой.

Каждую порцию держал до тёмной корочки. Мясной запах пошёл в зал через раздаточное окно. Несколько охотников сразу повернули головы, но вставать пока не стали.

Обжаренное мясо отправил в котёл с горячей водой. Добавил шкварки и оставил на слабом кипении. Жёстким краям требовалось не меньше часа.

На втором очаге поставил низкую кастрюлю для свёклы. Корнеплоды вымыл, очистил и нарезал тонкой соломкой. Тушил на ложке сала, подливая ржаной квас понемногу.

Если бросить сырую свёклу прямо в большой котёл, она потеряет цвет и останется землистой. Отдельное тушение смягчает вкус, а кислота кваса сохраняет красноту.

Капусту разобрал по листьям. Верхние были грязными, их выбросил. Остальное нашинковал полосками и оставил под влажной тканью. Капусте хватит последних двадцати минут, тогда она сохранит хруст.

Пока мясо варилось, я слушал зал. Один охотник хвастался, что видел Олафа в Кнехте и узнает его по походке. Второй собирался искать Форгу в кузницах. Третий утверждал, что гоблина Сглаза можно выманить жареной крысой.

Последнее могло сработать, поэтому я проверил подвальную дверь. Сглаз ждал там и сообщил, что записка дошла до Бальтасара. Доктор прочитал её под столом, сложил вчетверо и спрятал в серебряный футляр.

Через час мясо стало мягче, бульон набрал вкус. Я влил оставшийся квас, добавил тушёную свёклу и дал похлёбке снова закипеть. От свёклы цвет стал тёмно-красным.

Капусту положил за двадцать минут до подачи. Огонь под котлом усилил на несколько минут, потом убавил. В общей сложности похлёбка готовилась около полутора часов.

Запах кваса, мяса и свёклы дошёл до улицы. У раздаточного окна появились первые миски и руки. Помощник начал разливать, но я остановил его: первая порция предназначалась доктору.

Налил Бальтасару густо, с мясом и мягкой свёклой. Сверху положил несколько шкварок. Под миску сунул чистую ложку и второй клочок бумаги: «Спор о рецепте — на кухне».

Помощник отнёс миску доктору. Бальтасар попробовал бульон, отдельно разжевал свёклу, потом поднял глаза на раздаточное окно. С таким же недовольством он проверял неправильный шов.

Он встал с миской и пошёл к кухне. Двое охотников проводили его глазами, но в этот момент помощник открыл раздачу для остальных.

Люди в зале поднялись сразу. Возле окна образовалась очередь, потом давка. Те, кто сидел у лестницы, тоже пришли за похлёбкой. Оружие осталось у столов или висело за спинами, проход к кухне освободился.

Бальтасар вошёл и потребовал объяснить, зачем я смешал квас со свёклой именно после мяса. Я ответил, что разговор продолжим во дворе, где лежит человек с чёрной раной.

Доктор посмотрел на моё лицо, потом на объявление возле кладовой. Сходство с розыском он заметил сразу. Интерес к редкой ране оказался сильнее награды.

Форга появилась у задней двери. Взяла Бальтасара под локоть и вывела через прачечную. Сглаз закрыл за ними погребной люк.

Я остался у котла ещё на несколько минут. Похлёбку разобрали до дна. Добавки не осталось, охотники спорили из-за последней шкварки и не смотрели во двор.

Свою миску я попробовал стоя. Мясо сохранило корочку, свёкла дала сладость и цвет, квас — кислый хлебный вкус. Капуста ещё хрустела на зубах. Для людей, которые собрались нас убить, обед вышел слишком хороший.

Хозяин отсчитал пять медяков и предложил вернуться вечером. Я поблагодарил, снял передник и ушёл через заднюю дверь.

В прачечном сарае Бальтасар уже разрезал повязку Олафа. Серебряный футляр лежал открытым. Внутри находились ножи, иглы и щипцы, всё чистое и разложенное по размеру.

Доктор ощупал края раны, понюхал кровь и попросил Сглаза показать, где заканчивается скверна. Работал широкими пальцами точно, без суеты. Когда Олаф дёрнулся, Бальтасар велел держать его крепче, как барана перед разделкой.

Осмотр занял несколько минут. Доктор вытер инструменты спиртом и сообщил цену.

— Обычную гниль я бы вырезал сегодня. Здесь в мясе сидит теневая скверна. Нужен серебряный нож, сильный жар и закрытая комната. За работу принесёте мне зеркального карпа из пруда советника Ротмана. Целого и живого. Я обещал доказать одному придворному идиоту, что такую рыбу можно приготовить без привкуса тины.

Серебро и огонь требовались Олафу, а зеркального карпа потребовал хирург в уплату. Мне оставалось поймать рыбу, приготовить её и убедиться, что Бальтасар не переварит ни карпа, ни командира.

Блюдо дня: «Красная похлёбка для слепых сторожей». Говяжья обреза, обжаренная на сале и сваренная со свёклой, ржаным квасом и капустой.

Глава 9: Ценахирурга

9 день Серпня, 1103 год, вечер

Липовец, закрытый пруд советника Ротмана.

До лечебницы Олафа вели втроём. Он сделал половину пути сам, потом ноги подломились. Я подхватил командира под плечи, Форга взяла за пояс. Сглаз шёл впереди и проверял переулки.

Бальтасар открыл заднюю дверь неприметного дома рядом с прачечной. Внутри пахло уксусом, спиртом и сушёными травами. Олафа уложили в комнате для слуг. До настоящей операционной доктор нас пока не допустил.

Рану он промыл, дал командиру горькую настойку и запретил вставать. Этого хватало до ночи. Дальше требовались серебро и жар, а для их хозяина — зеркальный карп.

Рыба жила в закрытом пруду советника Ротмана. Пруд окружали садовая стена, сторожевые собаки и четыре караульных. Бальтасар знал это точно, потому что уже пытался купить карпа и получил отказ.

Доктор описал рыбу подробно: крупный самец, редкая чешуя большими серебряными пластинами, тёмное пятно у хвоста. Остальных карпов трогать запрещалось. Для его спора годился только этот.

Олаф слышал разговор с лежанки. Попробовал приказать нам оставить рыбу и искать другого врача, но голос сорвался. Я накрыл его плащом и велел беречь силы на спор после операции.

К саду пошли я, Форга и Сглаз. Инструменты гномиха несла под корзиной. Я взял мокрый мешок для рыбы и остаток подвяленной баранины. Сглаз спрятал костяные иглы в рукавах.

Стена советника стояла возле северной окраины. За ней росли фруктовые деревья, в середине блестела вода. У ворот горели два фонаря, караульные играли в кости.

Мы обошли сад вдоль канавы и нашли водосброс. Железная решётка закрывала низкий канал под стеной. Вода выходила тонкой струёй, значит, основная заслонка была закрыта.

Возле решётки ходили два мастифа. Большие, короткошёрстные, в ошейниках с медными пластинами. На пластинах были выбиты имена. Форга прочитала: Клык и Мельник.

Сглаз сел на землю и положил перед собой два куска баранины. Назвал собак по именам, потом тихо заговорил с их духами. Мастифы сначала рычали, затем подошли к мясу. Клык лёг рядом со Сглазом, Мельник положил голову ему на колено.

Гоблин остался с собаками. Мы с Форгой добрались до решётки. Замок на ней был новый, зато петли покрылись ржавчиной. Форга выбила ось нижней петли, приподняла решётку и просунула внутрь свой ключ.

За решёткой находился винтовой механизм заслонки. Гномиха работала на ощупь. Через несколько минут вода усилилась и пошла по каналу к городской канаве. Уровень пруда начал снижаться.

Я пролез первым. Канал вывел под деревянный мостик у самой воды. Штаны промокли сразу, дальше пришлось идти по поясу.

Зеркальные карпы держались в глубине. В лунном свете иногда блестела крупная чешуя, потом рыба уходила в чёрную воду. Нужный самец был самым большим.

Форга открыла заслонку ещё на четверть оборота. Вода опустилась до груди, у камышей появилась мелкая полоса. Карпы начали уходить к водосбросу.

Я встал поперёк узкого места и ждал. Первая рыба ударила в ногу и выскользнула. Вторая оказалась обычной. Третья сверкнула большими пластинами, возле хвоста было тёмное пятно.

Карп пошёл между колен. Я опустил руки в воду, прижал его к животу и схватил под жабрами. Рыба ударила хвостом так, что я сел в ил, но рук не разжал.

Весил он добрых полпуда. Чешуя резала ладони, во рту оказался весь пруд. Я поднялся и понёс карпа к каналу, прижав локтями.

До этого всё шло слишком спокойно. Из садового домика вышел старик с ведром корма. Увидел мелкий пруд, открытую заслонку и мою голову среди камышей.

Он бросил ведро и закричал. У ворот ответил свисток, караульные побежали вдоль дорожки.

Форга вытащила из-под мостика овальный таз для садовой рыбы. Мы положили карпа в воду, накрыли мокрой тканью и потащили к водосбросу. Рыба продолжала бить хвостом. Значит, плату хирургу не испортили.

На обратном пути я заметил грядки возле павильона. В корзине лежала молодая репа, вдоль дорожки рос шалфей. Форга схватила корзину, я выдернул несколько веток. Из открытого окна павильона Сглаз достал кувшин белого вина.

Караульные уже приближались. Клык и Мельник сидели возле гоблина и не участвовали в погоне. Один стражник пытался оттащить Клыка за ошейник, собака показала ему зубы.

Мы пролезли в канал. Форга опустила решётку и забила выбитую ось с наружной стороны. Стражникам пришлось бежать к воротам и обходить стену.

Таз с карпом не проходил между прутьями. Пришлось вынуть рыбу, завернуть во влажный мешок и протащить на руках. Снаружи снова опустили её в воду. Жабры двигались, тёмное пятно у хвоста осталось на месте.

До лечебницы дошли раньше погони. Дважды останавливались у колодцев, чтобы намотить мешок. Форга несла репу и вино, Сглаз — шалфей и инструменты.

Бальтасар встретил нас в заднем дворе. Сначала проверил жабры, потом пересчитал серебряные пластины на боку. Только после этого разрешил внести карпа на кухню.

Олаф за это время почти потерял сознание. Чёрные жилки дошли до груди, жар поднялся. Доктор сказал, что у нас есть не больше двух часов до операции.

Рыбу он всё равно потребовал приготовить. Я бы назвал это жадностью, но серебряные инструменты уже лежали на чистой ткани, а жаровню помощник раздувал в соседней комнате. Бальтасар готовился выполнить свою часть сделки.

Готовка

На кухне лечебницы стояла небольшая кирпичная печь. Дрова были сухими, в зольнике сохранились угли. Форга добавила щепки и прогрела печь, пока я занимался карпом.

Воду брали из дворового колодца. Сглаз проверил ведро, потом вымыл таз и стол. Прудовая тина хороша в пруду, на кухне от неё один запах.

Карпа оглушил ударом по голове и перерезал жабры. Кровь спустил в таз с водой. Рыба оказалась самцом, молоки были целыми и белыми. Их я промыл отдельно.

Чешую снимать не стал. Большие зеркальные пластины вместе с кожей прилипнут к глине и снимутся после запекания. Из брюха убрал внутренности, выскоблил тёмную кровь вдоль хребта и ещё раз промыл рыбу.

Репу разделил на две части. Первую нарезал тонкими брусками и обдал кипятком. Смешал с молоками, листьями шалфея и щепотью соли. Этой начинкой плотно набил брюхо карпа.

Края разреза стянул деревянными шпильками. Бальтасар нашёл в кладовой чистую глину, которой заделывал трещины в печи. Я размял её с водой до мягкости.

Карпа обложил глиной слоем в палец. Особенно хорошо закрыл брюхо и жаберные щели, чтобы пар оставался внутри. Голова и хвост тоже скрылись под глиной.

Печь уже прогрелась. Угли сдвинули к стенкам, глиняного карпа положили на нижний камень. Рядом отправил оставшуюся репу, разрезанную пополам.

Такому карпу требовалось не меньше полутора часов. Глина сначала темнела от влаги, потом стала светлой и твёрдой. Форга дважды добавляла угли к стенкам печи, не поднимая

сильного жара под самой рыбой. Из трещины у хвоста появился тонкий пар с запахом рыбы и шалфея.

Пока карп был в печи, я готовил соус. Белое вино вылил в маленькую кастрюлю и поставил на край очага. Кипятил с одной веткой шалфея, пока жидкости не осталось две трети.

Печёную репу вынул через сорок минут. Мякоть стала мягкой и сладкой. Я размял её ложкой, добавил в вино и протёр через сито. Получился светлый густой соус с винной кислотой.

Соль добавлял осторожно. Карп жил в пресной воде, его собственный вкус легко забить. Бальтасар стоял рядом и следил за каждой ложкой внимательнее, чем за Олафовой раной.

Через полтора часа я проверил жар у головы и самой толстой части спины, потом достал глиняный свёрток и дал ему постоять десять минут. Ударил рукоятью ножа. Оболочка треснула, вместе с ней отошла кожа и крупная чешуя.

Под глиной осталось белое влажное мясо. Тины почти не пахло. Начинка из репы, молоко и шалфей пропиталась рыбным соком и сохранила форму.

Первый кусок вырезал из спины и положил Бальтасару. Рядом дал ложку винного соуса и часть начинки. Доктор сначала попробовал рыбу без всего, затем с репой.

— Температура верная. Молоки не высохли, тины нет, шалфеем не забил карпа. Придворному болвану придётся заплатить мне двенадцать бутылок вина.

После этого он убрал миску и сам открыл операционную. Сделку можно было считать заключённой.

Форга и Сглаз получили следующие порции. Я съел кусок возле живота. Мясо там жирнее, репа впитала сок, кислое вино делало вкус легче. Олафу отложили маленький кусок чистого мяса на время после операции.

Карпа разобрали до костей. Бальтасар записал способ запекания, а остаток соуса перелил в банку для завтрашнего спора. На всю готовку ушло около полутора часов.

За шкафом в лечебнице обнаружилась узкая дверь и крутая лестница. Наверху находилась комната с каменным столом, жаровней и полками лекарств. Бальтасар перенёс туда серебряный футляр. Мы уложили Олафа на стол.

Доктор снял повязку и коснулся края раны серебряной пластиной. Чёрные жилки сразу сжались, Олаф пришёл в себя и попытался подняться.

Бальтасар отдёргнул руку. Через несколько секунд жилки снова выступили, только теперь тянулись к наружной стене лечебницы.

— Скверна чувствует родственную метку. Люди, которые несут силу Легата, уже на нашей улице. Операцию придётся начинать при гостях.

В переднюю дверь постучали.

Блюдо дня: «Карп под крепостной стеной».Зеркальный карп с начинкой из репы, молоко и шалфей, запечённый целиком в глине и поданный с винно-репным соусом.

Глава 10:Серебро и жар

Ночь на 10 день Серпня, 1103 год

Липовец, лечебница доктора Клина.

В переднюю дверь постучали ещё раз. Потом человек с улицы назвал городскую стражу и потребовал открыть лечебницу для проверки.

Обычная стража не носит под плащом метки Легата. Олафова рана чувствовала их через стену, этого мне хватало.

Бальтасар велел закрыть дверь операционной и разжёл вторую жаровню. Серебряную пластину положил в угли, ножи выстроил на чистой ткани. До первого разреза оставались минуты.

Олаф был в сознании. Потребовал дать ему топор и посадить возле лестницы. Доктор прижал его к столу одной рукой и сказал, что командир сейчас годится только на разделочную доску.

Снизу снова потребовали открыть. Я сказал Бальтасару начинать.

— Делай свою работу до конца. Лестница и гости будут на нас.

Доктор кивнул. Я вышел на площадку и закрыл за собой потайную дверь.

Форга уже осматривала лестницу. Проволока осталась в Белой Щели, поэтому она вытаскивала деревянные штифты из двух ступеней. Доски положила обратно так, чтобы под тяжёлым человеком они провалились.

На верхней площадке гномиха упёрла в стену длинный шест для занавесей. Его конец прижала дверью. Если открыть дверь резко, шест ударит первого вошедшего в грудь.

Сглаз занялся запахом. Из шкафчика Бальтасара взял полынь, можжевельник и горькую лечебную смолу. Смочил травы уксусом и положил на малую жаровню у лестницы.

Дым получился густой и резкий. Он перебивал запах крови, жжёного мяса и серебра. Заодно щипал глаза всем, кто шёл вверх.

Внизу треснула дверь. Люди Легата вошли в приёмную. По шагам их было пятеро. Один остался у выхода, остальные начали проверять комнаты.

Я стоял у верхней ступени с дрыном. Форга пряталась за шкафом, Сглаз сидел возле жаровни и держал костяную иглу.

Из операционной донёсся первый крик Олафа. Бальтасар раскрыл рану серебряным ножом и начал вырезать почерневшую ткань. Командир выругался один раз, потом голос оборвался.

Сглаз заглянул через щель и сообщил, что Олаф потерял сознание. Доктор продолжал работать. Серебряная пластина в углях стала красной по краям.

Через дверь я слышал, как Бальтасар вынул пластину щипцами и прижал к очищенной ране. Олаф выгнулся на столе, ремни скрипнули. Появился запах горелого мяса и горький дым от скверны. Доктор держал серебро, пока дым не стал обычным серым.

На лестнице появился человек в сером плаще. Он шёл медленно и нюхал воздух, на шее у него висел чёрный знак разбитой башни. За ним поднимались двое с короткими мечами.

Первый наступил на ослабленную ступень. Нога провалилась до колена, человек ударился подбородком о следующую доску. Второй навалился сзади, третий остановился ниже.

Я толкнул верхнего дрыном в плечо. Он покатился по лестнице и сбил товарища. Форга выскочила из-за шкафа, захлопнула дверь на площадке. Занавесный шест ударил третьего в грудь.

На несколько секунд лестница опустела. Потом человек с чёрным знаком поднялся снова. Из рукава он вытащил узкий клинок, по лезвию шли тёмные жилки.

Олафова кровь под дверью операционной дрогнула и потянулась тонкой полосой к лестнице. Сглаз плеснул на пол уксус с травами и разорвал полоску костяной иглой.

Агент Легата поднялся через сломанную ступень. Я встретил клинок железным концом дрына. После удара по рукам прошёл холод, пальцы ослабли.

Он ударил ещё раз, уже в живот. Я отвёл лезвие и толкнул человека к перилам. Форга добавила молотком по локтю. Клинок упал между ступенями.

Двое снизу полезли вместе. Сглаз бросил им под ноги жаровню. Горящие травы рассыпались по лестнице, дым ударил в лица. Один человек отступил, второй пошёл вслепую.

Я пропустил его до верхней ступени и ударил сверху по ключице. Агент упал на колени. За его спиной остальные решили дожидаться помощи с улицы.

Из операционной вышел Бальтасар. На фартуке была кровь, в руке он держал серебряную пластину с чёрным налётом. На чистом краю серебра налёт уже не появлялся.

Скверну он выжег. Олаф оставался без сознания, рана стала красной и чистой, края стянули швами. Теперь командира требовалось унести до прихода новой стражи.

Форга открыла низкое окно в стене операционной. За ним находился чердак соседней прачечной. Между домами оставался узкий провал, его перекрыли двумя досками от полки.

Олафа завернули в простыню и перенесли втроём. Бальтасар шёл сзади, держал перевязанную рану выше края досок. Сглаз забрал серебряный футляр и лекарства.

Когда люди снизу сломали верхнюю дверь, операционная уже была пуста. Форга выбила доски в переулок. Мы спустились в прачечную и закрыли чердачное окно сундуком.

Внизу стояли чаны с бельём и маленькая печь для воды. Хозяйка прачечной увидела Бальтасара, Олафа на простыне и молча отвела нас в сушильную комнату. После двух кур она всё ещё считала, что не задавать вопросы выгоднее.

Бальтасар осмотрел шов. Кровь почти остановилась. Чёрные жилки исчезли, вокруг разреза остался серый след. Командир будет слаб несколько дней, зато скверна больше не разъедала мясо.

Доктор уложил в сумку Сглаза чистое полотно, банку серебряной мази и два бумажных пакета. В первом лежал кровоостанавливающий порошок, во втором — мелкий лекарский уголь для свежих отравлений. Бальтасар заставил меня запомнить запах серого корня: горькая полынь и железо. Такой яд сначала немел язык, потом сводил пальцы и только после этого добирался до дыхания.

Когда действие настойки закончилось, Олаф начал стонать во сне. Доктор достал из сумки мак, сушёные яблоки, мёд и свёрток лекарственных трав. В кладовой прачечной нашёлся кувшин козьего молока.

После серебра и жара требовалось средство от боли. Здесь снова начиналась моя работа.

Готовка

Воду набрали из ручной помпы во дворе. Сглаз проверил её и принёс полный кувшин. Маленький медный котёл прачки я вымыл золой, потом ополоснул кипятком.

Мак был сухой, без плесени. Я растирал его в каменной ступке около десяти минут, пока зёрна не превратились в серую масляную пасту. Подливал горячую воду по ложке, чтобы масло выходило ровнее.

Козье молоко пахло чисто, сверху стоял слой сливок. Перелил его в котёл и поставил на самый слабый огонь. Яблочная кислота всё равно понемногу стянет молоко, поэтому мне требовалась густая смесь без крупных хлопьев и отделившейся сыворотки.

Сушёные яблоки промыл, вырезал потемневшие сердцевинки и нарезал полосками. Добавил в молоко вместе с маковой пастой. Смесь пришлось мешать почти постоянно, особенно у дна.

Бальтасар отмерил лекарственные травы сам. Там были сушёные головки мака, сонная мята и ещё два корня, названий которых я не знал. Доктор велел положить ровно одну щепоть. Лишняя могла остановить дыхание.

Молоко грелось тихо около сорока минут. Яблоки размякли, мак дал ореховый запах. Жидкость загустела и стала мелкозернистой, но сыворотка не отделилась. Мёд добавил после снятия с огня, чтобы сладость осталась чистой.

Для Олафа налил полную густую миску. Бальтасар проверил температуру и подмешал отмеренную часть трав. Мы приподняли командира, я давал молоко маленькими глотками.

Первую половину Олаф выпил почти не просыпаясь. На второй открыл глаза, узнал меня и попытался спросить про людей Легата. Слова получились невнятными. Через несколько минут он снова уснул.

Остальное молоко я разбавил горячей водой и посолил. Нам сонная порция была ни к чему, поэтому Бальтасар оставил в котле только слабые травы. Форга, Сглаз и я выпили по миске, доктор взял последнюю.

Вкус получился молочный, с маком и кислым яблоком. Мёд смягчил горечь трав, щепотка соли убрала лишнюю сладость. После ночного дыма горячее молоко прошло легко.

Олаф перестал стонать. Дыхание стало глубоким и ровным. Бальтасар проверил пульс и сказал, что до утра командир не проснётся.

Впервые после долины Дракона мы решали, что делать дальше, без Олафова приказа. Сглаз чувствовал Жемчужину на юге. Форге требовались проволока, ремни и болты. Мне были нужны деньги, припасы и способ вывезти командира через городские ворота.

Мы решили остаться в Липовце до следующей ночи. За это время требовалось найти документы и лошадей, а потом продолжить погоню по южной дороге. Бальтасар назвал решение рискованным, но разрешил перевезти Олафа в закрытой телеге после сна.

Маковое молоко выпили до конца. Ступку и котёл я вымыл, травы Бальтасар пересчитал. От сильной порции ничего не осталось.

Под утро в дверь прачечной постучали особым ритмом. Форга взяла молоток, Сглаз спрятался за чаном. Хозяйка открыла только после того, как услышала имя гостя.

В сушильную комнату вошёл Фетр ля Шмыг. На нём был тёмно-синий камзол с серебряной вышивкой, чистые сапоги и перчатки. Рядом с нами он выглядел человеком, который ошибся дверью.

Шмыг снял перчатки, осмотрел спящего Олафа, мой закопчённый передник и Форгин молоток. Потом спросил про Гроба и Корнелия. Я рассказал коротко. Он убрал перчатки в карман и некоторое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.